

Переходя к главному вопросу о размерах возможного влияния петербургско-немецкой поэзии на тематику Ломоносова, заранее оговариваемся, что пока немецкий материал не собран, возможен только приступ к исследованию. Как раз для тематики нужен весь материал. Просмотр доступной нам его части (отдельные издания од, «Материалы для истории имп. Академии наук», комментарии в академическом издании Ломоносова, «Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке» А. А. Куника и т. д.) привел нас к предварительному, но вполне вероятному выводу: серьезно считаться исследование должно с одним всего произведением немецкой музы на Неве, с известной нам уже одой Юнкера 1742 г. Все прочие академические произведения дают ряд деталей, иногда близких к тематическим деталям у Ломоносова, но эти детали всегда оказываются общими всей европейской классической оде. Так, например, Академия в 1732 г. пишет на приезд Анны Иоанновны: *quam ingeniose noctes etiam laetissimis diebus fuerint adiectae... armorum terribili fragore in solemnem laetitiam converso*; ⁴⁰ у Ломоносова тоже неоднократно огни фейерверка ночь превращают в день и гром артиллерийского Марса возвещает столичное торжество. Но то и другое входило в обязательный арсенал столичной оды, которая всегда и всюду, в Париже Малерба, в Лондоне Драйдена и в Амстердаме ван-Вонделя, была условно-официальной летописью столичной жизни. Ломоносов как поэт фейерверков и пальбы выполняет это обязательство, как до него и при нем выполняли его (только без таланта) немцы; здесь тематическое сходство объясняется одинаковостью академического положения и родственностью (самой общей и широкой) литературных взглядов на функцию оды. В оде 1736 г. Юнкер пишет:

Das unerschöpfte Russenreich
Empfindt nunmehr die gülden Zeiten.⁴¹

Это похоже на «золотой настал России век», частое у Ломоносова. Но «золотой век» был общим местом всякой комплиментарной оды. Для такого рода общих мест (особенно в стихотворном объяснении эмблем и в иллюминационных надписях) можно допустить известное влияние выработанных академическими поэтами шаблонов, но сами эти шаблоны сложились из элементов общеевропейской, Ломоносову и без того прекрасно известной, придворной культуры. Скандальная преувеличенность похвал (у Ломоносова, кстати, заметная только в первых петербургских одах)

⁴⁰ Материалы для истории имп. Академии наук, т. II, с. 99, № 117. «Как остроумно даже и ночи служили продолжением радостных дней... так как страшный гул орудий превратился в торжественную радость» (лат.).

⁴¹ Материалы для истории имп. Академии наук, т. VI, с. 423. (Миллер Г. Ф. История Академии наук). «Неистощимая Российская держава переживает отныне золотое время» (нем.).